

7. Дмитриев, Л.А. Житие Михаила Клопского / Л.А. Дмитриев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 302–305.
8. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. / Л.А. Дмитриев. – Л.: Наука, 1973. – 304 с.
9. Ерусалимский, К.Ю. Василий Блаженный / К.Ю. Ерусалимский // Православная энциклопедия. – М.: Изд. центр «Православная энциклопедия», 2004. – С. 123–131.
10. Иванов, С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства / С.А. Иванов. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 448 с.
11. Каган, М.Д. Житие Исидора Твердислова / М.Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 280–284.
12. Ключевский, В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1871. – 474 с.
13. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2009. – 320 с.
14. Фет, Е.А. Житие Антония Римлянина / Е.А. Фет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 245–247.
15. Хорошев, А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики / А.С. Хорошев. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1980. – 224 с.

Егоров А.М.
РЕЛИГИОЗНАЯ И СВЕТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XVI ВЕКА
КАК НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

После разделения римского государства и падения западной его части Византийская (Восточная Римская) империя позиционировалась в качестве единственной законной наследницы древнего Рима, сохраняя ореол мировой державы в течение всего раннего средневековья. Основным этническим элементом византийского общества являлись греки, но при этом сами жители империи считали себя «ромеями» (римлянами) [1, с. 69].

В условиях перманентной нестабильности окружавших Византию раннегосударственных образований идея ее политического превосходства долгое время не подвергалась сомнению. Латинские хронисты вели летоисчисление по годам правления византийских императоров, при европейских дворах чеканили монету, имитирующую византийские деньги, а их правители неоднократно добивались получения имперских титулов и инсигний (знаков отличия) в качестве доказательства международного признания своей власти.

Повышение дееспособности новых государств вызвало желание идеологически и юридически подтвердить их самостоятельность и независимость на международной арене. В условиях средневековой анархии образцом устойчивого государственного порядка служила власть римских императоров. По словам известного медиевиста Жака Ле Гоффа, «сами средневековые люди с VIII вплоть до XVI в. испытывали потребность вернуться к Риму» [6, с. 40].

В России утверждению данных политических воззрений способствовала религиозная теория, провозглашавшая Москву «третьим Римом», которая была сформулирована старцем Псковского Елизаровского монастыря Филофеем в послании великому князю Василию III (1505–1533). В контексте этой христианской доктрины вся история сводилась к последовательной смене трех «Римов» – первого, итальянского, погубленного ересью, второго – Константинополя, завоеванного мусульманами в наказание за унию с католичеством, и третьего – Москвы, провозглашавшейся последним оплотом истинной веры и недоступной для ереси твердыней. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», – предрекал Филофей [9, с. 471].

Данное убеждение могло подкрепляться и фамильными связями московских князей с императорской семьей Византии. Сам Василий III был сыном великого московского князя Ивана III (1462–1505) от его брака с племянницей последнего греческого императора Софьей Палеолог. Соглашение об их династическом альянсе было достигнуто в 1472 г. и существенно повысило престиж московских князей как внутри России, так и за ее пределами.

При этом теория Филофея и при его жизни, и после смерти служила в основном для обоснования самостоятельности и независимости русского государства. А вот политические и религиозные круги Европы мечтали привлечь Москву к борьбе с турками, которые угрожали уже непосредственно Италии. Именно этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен на Западе, прежде всего в Риме и Венеции, проект брака великого московского князя с Софьей Палеолог [4, с. 232].

Некоторое время она провела в Италии под покровительством папы, получая от него небольшую пенсию, а затем была переправлена в Москву. Вероятно знавшие о скромном достатке византийской принцессы псковичи, через землю которых она проезжала в 1473 г., вручили Софье Палеолог в подарок «50 рублей» – внушительную по тем временам сумму [8, с. 74].

Уже в Москве Софья приобрела статус единственной наследницы византийского престола. Дело в том, что последний греческий император Константин XI Палеолог, трагический погибший при защите Константинополя, был бездетным. Поэтому все династические права на византийский трон унаследовали его братья Дмитрий и Фома. В 1460 г. Дмитрий вместе с дочерью (двоюродной сестрой Софьи) попал в плен к султану Мехмеду II, который заточил последнюю в своем гареме. Через десять лет Дмитрий, принявший к тому времени постриг, умер в Адрианополе, не оставив других наследников.

Второму брату Фоме султан предложил придворное звание и пенсию в обмен на отказ от прав на византийский престол. Однако тот предпочел эмигрировать в Венецию, а затем – в Рим, где и умер в 1462 г., оставив двух сыновей (Андрея и Эммануила) и двух дочерей (Елену и Софью) в качестве потенциальных претендентов на византийское наследство.

Андрей Фомич предлагал за деньги свои права всем желающим европейским монархам, но неудачно. В 1502 г. он скончался в Риме – бездетным и в абсолютной нищете. Эммануил Фомич, напротив, перебежал к туркам и принял ислам, получив взамен от султана небольшое жалование и некоторое имущество. Его сыновья Андрей и Иоанн были приняты ко двору турецкого султана, где впоследствии и умерли, не оставив потомства. Родная сестра Софьи Елена, будучи замужем за сербским господарем Лазарем II также не имела детей, а после смерти мужа попала в турецкий плен и вслед за этим стала монахиней [3, с. 88–89].

Таким образом, московские государи как родственники и потомки Софьи Палеолог превратились в прямых наследников прав византийских императоров. С конца XV в. на их печатях появляется не только московский герб с Георгием Победоносцем, но и византийская эмблема с двуглавым орлом. Одновременно при московском дворе вводится пышный церемониал по византийскому образцу, а в Оружейную палату помещается трон византийских императоров, привезенный в Россию самой Софьей Палеолог. Тем не менее, не желая быть орудием в чужих руках, и Иван III, и Василий III на все предложения «константинопольской отчины» обычно отвечали, что «князь великий хочет вотчины своей земли Русской».

Вместе с тем, усвоение византийских придворных традиций повлияло на характер великокняжеской власти в сторону усиления ее самовластия. Один из приближенных умершего Ивана III делился с приехавшим на Русь афонским монахом Максимом Греком, что его старый господин любил «встречу», то есть прислушивался к мнению советников, а молодой Василий III важнейшие дела решает «сам-третей у постели», со своим личным окружением без участия ответственных должностных лиц.

После смерти самого Василия III вокруг его малолетнего сына Ивана IV началась ожесточенная борьба за власть и влияние между различными боярскими группировками. Правление бояр вело к ослаблению центрального правительства, а их произвол на местах вызывал открытое недовольство народных масс.

Сложная ситуация заставляла посвященных лиц задуматься не только о духовном и политическом наследстве Византийской империи, но и о причинах постигшей ее катастрофы. Одним из первых высказался на этот счет Максим Грек, хорошо знакомый с византийской жизнью изнутри и не склонный, видимо, ее идеализировать. По его мнению, успешность государства помимо религиозного рвения зависела от способности обеспечить режим законности («правды»). Византия же не справилась с этой задачей и потому пала.

Ущербность формально благочестивой, но творящей несправедливость власти была обличена на примере Византии и старцем Зиновием Отенским. Он считал, что Бог допустил завоевание когда-то «преславного греческого царства» турками потому, что больше всего любит правду. Хорошие же прихожане греки «дел христианских не снабдеша, суда бо не взыскаша и праведного суда не судиша, вдовицы и сироты оставиши хотящим озлобляти их и милости подручным не сотвориша, и злата на владомых собирати не пересташа, и обидимых из обидящих не отомстиша» [2, с. 34].

Тема преобладания справедливого, пусть даже при этом и «неверного» (т.е. нехристианского) государства над внешне праведным, но не соблюдающим «правду-закон» была подхвачена и развита служилым дворянином И.С. Пересветовым. В своих адресованных царю Ивану IV

челобитных он в 1549 г. предложил широкую программу политических, правовых, военных и финансовых преобразований, направленных на реорганизацию административного управления в стране, усиление центральной власти, ликвидацию наместничества и ограничение самоуправления боярской аристократии. Содержание сочинений Пересветова обнаруживает не только его разностороннюю образованность, но и потрясающую политическую дальновидность, позволившую ему предугадать пути дальнейшего государственного строительства в России.

Идеологическим обоснованием проведения реформ государственного управления у Пересветова служит его «Сказание о Магмет-салтане и о царе Константине» («Повесть о Царьграде»). Здесь предметом критики существующей действительности челобитчик избирает «греческое царство» (Византию). При этом он совершенно не касается религиозных споров, а все свое внимание концентрирует на круге политико-юридических проблем, послуживших причиной падения этого крупнейшего и некогда блистательного государства, долгое время являвшегося главным оплотом православия. В конечном итоге причины поражения Византийской империи Пересветов свел к постепенно укоренившемуся в ней беззаконию и произволу.

В качестве положительного антипода греческому царству в «Сказании о Магмет-салтане» противопоставляется турецкая держава, доказавшая свою жизнеспособность многочисленными победами над соседями. Анализ порядков этой державы Пересветов и использует для изложения своих реформаторских идей.

Среди первоочередных нововведений в практику государственного управления он называет оценку подданных через их личные заслуги перед государем (как у «турского царя»), формирование постоянного войска, искоренение «нечистого» торга. Особо Пересветов настаивает на отмене «кабалы», которая, по его убеждению, не только не совместима с христианской моралью («порабощенная земля сама по себе незаконна»), но и опасна для государства («холопы плохие воины»). Поэтому, доказывает он, явно выдавая желаемое за действительное, Магмет-салтан уничтожил в своем царстве все формы кабальной зависимости, «пожегши огнем все книги полные и закладные» и даровав всем подданным свободу [7, с. 48].

Пересветов считал, что предлагавшиеся им нововведения невозможны без «грозы», то есть принуждения. Но вместе с тем он отвергал произвол, призывая царя учитывать мнение компетентного «Совета». По-видимому, последнее суждение также было навеяно образом идеализированного султанского правления.

По мнению Пересветова, Бог помогает лишь тем, «кто правду любит и праведен суд судит», — именно это обстоятельство является для него решающей причиной победы турков над византийцами. Он призывает царя не допустить в Русском царстве тех грехов, из-за которых погибла Византийская империя. Последний греческий правитель утратил контроль над вельможами, которые обладали царством себе в корысть и неправедным путем нажили свое богатство. Перефразируя Пересветова, византийская верхушка забыла о своем общественном предназначении и утратила веру, за что и была наказана.

Обращение И.С. Пересветова к теме османского правления современные исследователи зачастую объясняют распространенным в его время публицистическим приемом, использовавшимся для усиления аргументации автора и не имевшим ничего общего с реальным положением вещей на Балканах. В действительности, как мы уже видели, не только служилые люди вроде Ивана Пересветова или Федора Карпова, но и ученые православные старцы вроде Максима Грека или Зиновия Отенского с большей или меньшей степенью уверенности поддерживали представление о том, что «турцы... правду и суд творяху».

По частоте повторения эту мысль и вправду можно считать публицистическим клише или общим местом политических сочинений позднего Средневековья и раннего Нового времени. Однако сам по себе указанный факт не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему думающие люди XV–XVI вв. так упорно использовали образ именно турецкого султана в качестве примера для подражания христианским государям.

Более того, в определенных условиях метод сопоставления Османской и Византийской империй воспринимался не как гипотетическая умозрительная антитеза, призванная вскрыть причины падения православной греческой державы и позволяющая исправить недостатки отечественного управления, а как вполне конкретная внешнеполитическая агитация. Например, уже упоминавшийся Михаил Триволис, получивший образование в Италии, принявший монашество под именем Максима на Афоне и прозванный Греком в Москве после приглашения туда великим князем Василием

III, за свои поиски «правды» в 1525 г. был осужден Соборным судом и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь по обвинению в протурецкой ориентации [5, с. 193].

Однако даже если рассматривать ссылки на опыт Османской империи лишь в качестве гипотезы, логично предположить, что впечатление образованного человека той эпохи о ее стабильности и процветании имело, видимо, определенные фактические основания и могло оказать влияние на формирование представлений о путях государственного строительства.

1. Альфан, Л. Варвары. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Луи Альфан ; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2003. – 416 с.
2. Будовниц, И.У. Идеологическая борьба в русской публицике / И.У. Будовниц. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 491 с.
3. Ионина, Н.А. Стамбул. История. Легенды. Предания / Н.А. Ионина. – М.: Вече, 2007. – 384 с. – (Тайны знаменитых городов).
4. История дипломатии : [сб.] / сост. А. Лактионов. М. : АСТ–АСАТ Москва, 2006. – 943, [1] с.
5. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общей редакцией члена-корреспондента РАН В. С. Пересянцева. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 727 с.
6. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. / Жак Ле Гофф; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
7. Пересветов, И. Сочинения / подгот. текст А. А. Зимин. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956
8. Псковские летописи. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 256 с. – (Полное собрание русских летописей. – Т. V. Вып. 1).
9. Шапошник, В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века / В.В. Шапошник ; отв. ред. Ю.В. Кривошеев. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), 2006. – 568 с.

Латушкін А.М.

АКТ ПЕРАМІР'Я ПАМІЖ РАСІЙСЬКОЮ ДЗЯРЖАВОЮ І ВЯЛІКИМ КНЯЗТВОМ ЛІТОВСЬКИМ 1556 Г. З РАСІЙСЬКОЮ НАЦІОНАЛЬНОЮ БІБЛІОТЕКОЮ: ПИТАННЯ ПРАВНІВНОСТІ¹

Серед складу комплексу оригіналу діяржавно-правових актів архіву Вялікого Княства Літвського (далі – ВКЛ), які адлюстровані у вописі ад 26 листопада 1623 г., асобною групу утворюють акти XV – пач. XVII ст. аб міри і перамір'і паміж вялікімі князямі літвськімі і вялікімі князямі маскоўскімі, а таксама ўладарамі зямель, што пазней увайшли ў склад Расійскай діяржавы – Ноўгарад, Пскоў, Цвер, акты васальнай залежнасці князёў дынастыі Навасільскіх і інш. [3, с. 2–13; 7; 20]. Згодна з уліковай дакументацыяй архіву ВКЛ гэта група мае назву “Старажытныя і сучасныя перамір'і з Масквой” (“Inducye Moskiewskie dawne y teraznieysze”) і ўключае 17 актів ад пагаднення вялікага князя літвскага Вітаўта з вялікім князем Барысам Аляксандравічам Цвярскім 1427 г. (?) да перамір'я паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай діяржавай 1601 г. (у тым ліку і акт прысягі князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага каралю польскаму Уладыславу 1401 г., што ў гістарыяграфіі трактуецца аднак як унііны). 9 з іх да нашага часу захоўваюцца ў Галоўным архіве старажытных актів у Варшаве (далі – AGAD), куды патрапілі ў складзе варшаўскай часткі Архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у 1946 г. [20]. Астатнія 8 з 17 актів у розны час былі страчаны са складу архіву і іх сучаснае месцазнаходжанне або застаецца невысветленым, або правнівенцыя і сувязь з архівам ВКЛ дагэтуль не ўстаноўлены.

У межах даследавання аўтара, прысвечаных рэканструкцыі складу і аднаўленню цэласнасці комплексу оригіналу діяржавно-правових актів 1387 – 1601 гг. архіву ВКЛ адна з пазіцый, якая адносіцца да страт, была выяўлена ў фондах Расійскай Нацыянальнай Бібліятэкі ў Санкт-Пецярбурзе (далі – РНБ).

У вописі архіву ВКЛ ад 26 листопада 1623 г. фігуруе дакумент пад назвай: “List przymierny tego z kniazia Moskiewskiego z Zygmuntem Augustem do lat szesc przez X(ie)cia Zbaraskiego” [3, с. 12]. Вядома, што шасцігадовае перамір'е паміж вялікім князем літвскім і каралем польскім Жыгімонтам II Аўгустам і вялікім князем маскоўскім Іванам Васілевічам было заключана ў Маскве пасольствам на чале з ваяводам віцебскім Стэфанам Андрэвічам Збаражскім, якое адбылося 23 студзеня

10 лютага 1556 г. Матэрыялы пасольства апублікаваныя і шырока вядомыя ў навуковай літаратуры, прысвечанай тэме гісторыі міждыяржаўных зносін ВКЛ і Расійскай діяржавы ў XVI ст., а таксама праблеме эвалюцыі манархічнай улады ў Расіі і царскай тытулаты Івана Васілевіча “Грознага”

¹ Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Музея гісторыі Польшчы (Muzeum Historii Polski w Warszawie), стыпендыя за 2016 г., праект “Archiwum ordynacji Nieświezkiej ks. Radziwiłłów: historia, zasoby oraz miejsce w dziedzictwie kulturalnym narodów Europy Centralnej i Wschodniej”.